Научная статья
УДК 343.988
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19202

Влияет ли цифровизация на виктимизацию в современном обществе?

Андрей Владимирович Майоров

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
ab_majorov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8629-9837

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о том, может ли влиять цифровизация на виктимизацию в обществе. Цифровизация как процесс движения к цифровому обществу — неотвратимый и неоднозначный, в силу присущим ему особенностей. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы состоит в том, что многие аспекты жизнедеятельности человека в современном обществе осуществляются в цифровом формате. Каждый из нас зависим от эффективности внедряемых в социальные процессы цифровых технологий. Переход к цифровому обществу способствует упрощению многим процессам в работе правительства, реализации бизнеса, предоставления и приобретения товаров и услуг, получения и обработки информации, развитие коммуникации и т. д. При этом совершение преступлений с использованием цифровых технологий уже очевидный факт, количество этих преступлений в последние годы получило широкое распространение. Использование достижений цифровых технологий в криминальных целях порождает новый вид виктимизации — цифровой.
Анализ данных криминальной статистики указывает на развитие цифровой виктимизации в современном обществе.
Ключевые слова: цифровизация, цифровая виктимизация, кибервиктимизация, цифровые технологии, цифровая виктимность, виктимность в цифровом мире, жертвы цифровой преступности
Для цитирования: Майоров А. В. Влияет ли цифровизация на виктимизацию в современном обществе? // Виктимология. 2022. Т. 9, № 2. С. 148–156. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19202

Research article

Does Digitalization Affect Victimization in Today's Society?

Andrey V. Mayorov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
ab_majorov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8629-9837

Abstract. This article examines the question of whether digitalization can influence victimization in society. Digitalization as a process of moving towards a digital society is

© А. В. Майоров

inevitable and ambiguous, due to its inherent characteristics. The relevance of the problem considered in this article is that many aspects of human activity in modern society are carried out digitally. Each of us depends on the efficiency of the digital technologies introduced in social processes. The transition to a digital society contributes to the simplification of many processes in government, business implementation, provision and purchase of goods and services, receipt and processing of information, development of communication, etc. At the same time committing crimes using digital technology is already an obvious fact, the number of these crimes in recent years has become widespread. The use of advances in digital technology for criminal purposes generates a new type of victimization — digital.
Analysis of criminal statistics indicates the development of digital victimization in modern society.
Keywords: digitalization, digital victimization, cybervictimization, digital technology, digital victimization, digital victimization, digital victimhood, victims of digital crime
For citation: Mayorov AV. Does Digitalization Affect Victimization in Today's Society? *Viktimologiya* [Victimology]. 2022;9(2):148-156. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19202 (In Russ.)

Введение

Любые процессы, происходящие в обществе, связаны с определенными переменами, которые трансформируют его в новое состояние, требующее анализа и выявления возможных рисков, связанных с угрозой для общества. При этом один процесс может оказать существенное влияние на другие социальные процессы.

Под цифровизацией понимается процесс внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. В глобальном плане цифровизация представляет собой «концепцию экономической деятельности, основанной на цифровых технологиях, внедряемых в разные сферы жизни и производства»[1]. Востребованность общества в использовании цифровых технологий в последние годы возросла во много раз. Одним из факторов способствующих интенсивной цифровизации общества стала ситуация вызванная пандемией в 2019 году. Многие социальные процессы стали возможны за счет цифровых технологий. Применение цифровизации в государственных структурах, на производстве, в бизнесе, в быту, в образовании и т. д. упрощает многие процессы, делая их более простыми и доступными. Сейчас более чем когда-либо социальное существование определяется как физической, так и цифровой реальностью. Почти все, что человек может испытать в физическом отношении, можно также испытать в цифровой среде (в Интернете). При этом виктимизации не является исключением для цифровой среды.

В связи с эти основной целью исследования стал виктимологический анализ развития цифровизации в современном обществе и рассмотрение такого феномена как цифровая виктимизация.

Материалы и методы

В качестве научного материала были использованы публикации, отражающие исследования проводимые отечественными и зарубежными учеными по рассматриваемой проблеме. Эмпирическим материал представлен данными официальной статистики о количестве преступлений, количестве потерпевших на территории российской Федерации за последние годы (2019–2021). В статье предпринята попытка систематизировать положения теоретических работ и обобщить материалы практики в контексте развития цифровизации и влияния этого процесса на виктимизацию общества. Полученные материалы обработаны автором с помощью метода контен-анализа, что позволило описать исследуемую проблему.

Описание исследования

Утвержденная Указом Президента РФ «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» определяет направления развития современного российского

[1] Технологии цифровизации в России — настала эпоха перемен. URL: https://center2m.ru/digitalization-technologies (дата обращения: 24.04.2022).

общества и внедрение цифровых технологий во все сферы социальной реальности человека[1].

Следует согласится с мнением Ю. Ю. Комлева, который отмечает что «за весьма короткое по историческим меркам время, благодаря компьютеризации и информационным технологиям, в центре которых Интернет, социум постмодерна приобрел зримые черты цифрового общества» [18, с. 33]. В широком социологическом значении процесс цифровизации ученый определяет как широкомасштабное внедрение информационных цифровых технологий во все сферы социальной реальности, жизни и деятельности человека. Цифровизация оказывает колоссальное влияние на основные подсистемы социума (экономику, политику и управление, образование, культуру и масс-медиа, здравоохранение), на социальную структуру общества («цифровая стратификация») и его функционирование, вызывая новые социальные, коммуникативные, девиантные эффекты и практики [18, с. 33].

Статистика преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Среди данных официальной статистики в последние годы большое особое внимание уделяется преступлениям, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. С учетом специфики совершения рассматриваемых преступлений такой вид преступной деятельности был назван киберпреступностью. Анализируя статистику, следует отметить, что доля киберпреступности в 2021 году достигла 26% (еще в 2018 году она составляла лишь 9%). С какими еще преступлениями сталкиваются россияне, кто обычно становится преступником и почему выросло число потерпевших среди детей.

Каждое четвертое преступление в 2021 году — это киберпреступление. За последние 4 года (2018–2021 гг.) доля зарегистрированных киберпреступлений в России выросла почти в три раза: со 175 тыс. случаев до 517 тыс. случаев. А по сравнению с 2012 годом — в 50 раз. Доля киберпреступности от всех совершенных преступлений в 2021 г. составила 26% (еще в 2018 г. эта доля составляла лишь 9%).

В 2020 году число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4% (510,4 тыс.), в том числе с использованием сети «Интернет» — на 91,3%, при помощи средств мобильной связи — на 88,3% [19, с. 80].

В январе — декабре 2021 года зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,0% в январе — декабре 2020 года до 25,8%. Больше половины таких преступлений (55,7%) относится к категориям тяжких и особо тяжких (288,3 тыс.; +7,7%), более двух третей (67,9%) совершается с использованием сети «Интернет» (351,5 тыс.; +17,0%), почти половина (42,0%) — средств мобильной связи (217,6 тыс.; — 0,5%)[2].

Статистические данные и ведомственные показатели преступности правоохранительных органов за последние три года показывают, что наибольшую угрозу и вред от киберпреступлений общественным отношениям, обеспечивающим охрану прав и свобод личности, собственности граждан, представляют кибермошенничество и кибербуллинг [21, с. 143].

При этом в статистику попадают только зарегистрированные случаи. В случае с киберпреступностью люди зачастую испытывают стыд, что были обмануты, и не готовы заявлять о преступлениях. Кроме того, часто потерпевшие не видят смысл в этом, поскольку не верят, что преступление будет расследовано.

[1] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/online/ (дата обращения: 27.02.2022).

[2] Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/

Цифровая преступность

Совершение преступлений с использованием цифровых технологий уже очевидный факт, количество этих преступлений в последние годы получило широкое распространение. Свидетельством этому является официальная статистика количества зарегистрированных преступлений в России, данные, полученные от организаций, осуществляющих кибербезопасность и мнение их экспертов. Это еще раз убеждает в том, что изменения происходят не только в обществе, меняется и преступность, появились малоизученные способы и средства совершения преступлений, в частности преступления, совершаемые в сфере цифровых технологий или с их использованием (цифровая преступность, преступления в сфере цифровых технологий включают в себя преступления, совершаемые в сфере высоких технологий с использованием информационно-телекоммуникационных технологий).

Рассматривая цифровую преступность как социально-негативное явление в условиях цифровизации общества следует отметить, что данный феномен не имеет законодательного закрепления. Цифровую преступность рассматривают в двух аспектах — уголовно-правовом и криминологическом. В уголовно-правовом понимании это совокупность преступлений совершенных с использованием цифровых технологий и преступлений, совершенных в отношении цифровых технологий (например, в сфере компьютерной информации), необходимо отметить, что российское уголовное законодательство содержит ряд уголовно-правовых норм, которые призваны охранять цифровые отношения от преступных посягательств. К ним относится группа уголовно-правовых норм, включенных законодателем в главу 28 УК РФ ст. 272, 273, 274, 274.1 УК РФ (так называемые *киберпреступления*)[1], а также девятнадцать статей, содержащих признаки «…с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» [20, с. 23]. С точки зрения криминологической науки, по мнению, например, Ю. А. Воронина, «цифровая преступность представляет собой широкий круг общественно опасных деяний, совершенных в информационно-коммуникационной среде с использованием цифровой информации и информационно-телекоммуникационных технологий» [14, с. 76]. Вместе с тем, развитие цифровизации способствовало применению цифровых технологий не только в рамках указанных норм уголовного законодательства, но и как средства достижения преступного замысла в иных преступлениях. В настоящее время совершается большое количество преступлений, непосредственным объектом посягательства которых выступает личность или имущество, а не компьютерная система или информационные данные, но при этом цифровые технологии становится неотъемлемой частью способа совершения преступления. Сами же компьютерные системы, информационные телекоммуникационные системы становятся средством реализации способа совершения преступления. При этом к объектам преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, могут относиться кардинально разные общественные отношения, связанные с обеспечением национальной безопасности, жизнью и здоровьем населения, нормальной экономической деятельностью государства и др.

Цифровые технологии используются преступниками для получения информации на стадии приготовления к совершению преступления (например, наблюдение за потенциальными жертвами преступлений, сбор и обработка полученной информации с помощью программного обеспечения, передача «необходимой» информации с целью психологического воздействия и т. д.), для изготовления приспособлений и орудий преступлений (например, изготовление аналога какого-либо предмета на 3D принтере), а также для сокрытия следов преступления (например, уничтожение цифровой информации на различных носителях и т. д.). На это

[1] *Киберпреступление* — это преступная деятельность, целью которой является неправомерное использование компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства. *Киберпреступность* — то есть преступления против и с помощью компьютерных систем. (Action against Cybercrime // URL: https://www.coe.int/en/web/cybercrime/home) (дата обращения: 25.02.2022).

указывают и исследования зарубежных криминологов, так например J. R. Lee, T. J. Holt, G. W. Burruss, A. M. Bossler указывают, что «развитие Интернета и цифровых технологий позволило преступникам совершать преступления, затрагивающие как виртуальные, так и реальные цели по своему усмотрению» [8]. Российские исследователи в свою очередь исследуют цифровую девиацию, так например, Ю. Ю. Комлев указывает на то, что «цифровая девиантология задает более широкое предметное поле, раздвигает границы, как теории, так и исследовательской практики, при изучении преступности и других взаимосвязанных с нею форм негативной девиантности, получивших широкое распространение в киберпространстве Интернета, в социальных сетях» [17, с. 39]. Таким образом, стремительное развитие цифрового общества порождает у субъектов преступлений мотив цифрового преступного поведения и как следствии цифровую виктимизацию.

Цифровая виктимизация

Цифровая виктимизация включает в себя весь спектр противоправных деяний, распространенных в физическом мире, ученые-криминологи часто обсуждают, понимают и рассматривают ее по-разному, потому что правонарушения совершаются без физического взаимодействия жертвы и правонарушителя (например, домогательства, сексуальные домогательства, преследование). В настоящее время можно утверждать о различии в восприятии виктимизации между цифровым и физическим пространством. На это указывает и Д. В. Жмуров в своем исследовании о кибервикитимизации, поднимая вопрос «рассматривать ли кибервиктимизацию как традиционную виктимизацию, но с поправкой на виртуальное пространство, или признать принципиальную неисследованность темы? … Подобных вопросов немало, и они нуждаются в ответах» [15, с. 110].

Действительно в цифровом мире люди гораздо чаще сегодня общаются, покупают и продают товары и услуги, причиняют друг другу вред и испытывают бесчисленное множество других взаимодействий, при этом без какого-либо прямого физического контакта.

Тем не менее, цифровая и физическая виктимизация не совсем разные. Скорее, цифровой мир можно и нужно понимать как расширение физического мира, и поэтому цифровую виктимизацию следует понимать в том же свете. Имея это в виду, методы для понимания такого девиантного поведения, как домогательства и нападения в физическом мире, должны быть перенесены в цифровой мир и способствовать обсуждению того, как поддерживать жертв и сдерживать преступников. Проблема виктимизации от насилия в цифровом пространстве имеет широкое обсуждение в научном плане среди зарубежных исследователей [см., напр.: 2; 12; 13].

Учитывая такую позицию необходимо рассмотреть сам термин цифровая виктимизация. Для понимания сути рассматриваемо проблемы в настоящей статье под цифровой виктимизацией предлагается понимать *процесс превращения потенциальной жертвы в реальную, а также вред (результат) от преступления, совершенного с использованием цифровых технологий.*

Цифровые жертвы

Несмотря на то, что о цифровой виктимизации в отечественных исследованиях написано не так много, проблему цифровых жертв (жертв цифровизации) в зарубежных исследованиях поднимают в последние годы многие ученые [см., напр.: 1; 3; 4; 5; 6; 9; 10; 11]. По оценкам исследователей более высокую концентрацию онлайн-жертв среди интернет-пользователей составляют лица в возрасте 35 лет и младше. Также указывается в специальных исследованиях, что онлайн-жертвы часто менее знакомы с опасностями цифровых пространств, правовыми мерами, доступными в случае виктимизации, и ограничениями таких мер. Лица более старшего возраста менее подвержены цифровой преступности в силу их отдаленности от цифрового пространства. Однако переход общества в цифровой формат диктует свои правила для потребителей многих услуг, что приводит к увеличению интернет-пользователей среди лиц старшего поколения, порождая риск цифровой виктимизации среди них. Так например, по данным МВД России, в 2021 году 17 % киберпреступлений было совершено в отношении пенсионеров

по старости. При этом по статье мошенничество (включая и кибермошенничество) 20% потерпевших — это люди старше 60 лет (старше 50 лет — 33% потерпевших)[1].

Выделяя такой вид виктимизации как цифровая следует обозначить и типологию «цифровых жертв». При этом название данного вида жертв преступлений условное и не требует законодательного закрепления, но необходимо в целях его изучения и разработки мер виктимологической профилактики от цифровой преступности (*данный вид преступности уже активно обсуждается в современной доктрине*). Кого же можно признать «цифровыми жертвами» (жертвами цифровых преступлений)? Для понимания типологии «цифровых жертв» (жертв цифровой преступности) следует выделить лиц, пострадавших в результате цифровой преступности. К ним могут быть отнесены например:

— потерпевшие от киберпреступлений имущественного характера (*киберкражи, кибермошенничества, кибервымогательства*);

— потерпевшие от домогательств в сети Интернет (*кибербуллинг, кибершантаж и т. д.*);

— потерпевшие от насильственных преступлений, совершенных с помощью сети Интернет (*кибертерроризм, киберэкстремизм*);

— потерпевшие от преступлений, связанных с неправомерным доступом и хищением информации (*кибершпионаж*);

— потерпевшие от преступлений, в которых цифровые технологии используются в качестве способа или средств достижения преступной цели.

Указанный перечень может быть расширен с учетом видовых особенностей преступности. Так, например, Д. В. Жмуров выделяет следующую типологию жертв кибервиктимизации: «жертвы имущественной компрометации, жертвы экономической компрометации, жертвы вовлечения, жертвы агрессии, жертвы разрушения, жертвы нарушения информационных прав» [15, с. 112; 16].

Таким образом жертвами цифровой преступности (*victim of digital crime*), следует признать лиц, ставших потерпевшими в результате совершения преступлений с использованием информационно-цифровых технологий или в отношении их цифровых прав[2]. При этом логично цифровой виктимностию признать уязвимость лица стать жертвой цифрового преступления.

Заключение

Рассматривая цифровизацию как процесс движения к цифровому обществу следует признать, что он влияет на основные подсистемы российского социума (экономику, политику и управление, образование, культуру и масс-медиа, здравоохранение), на его социальную структуру и функционирование, вызывая новые социально-коммуникативные эффекты и практики [17, с. 156]. С одной стороны цифровизация нацелена на развитие общества, с другой создает ряд проблем, а также создает возможности для миграции преступности в цифровой формат и повышение риска цифровой виктимизации.

Исследование цифровой преступности предполагает рассмотрение всех составляющих ее аспектов, включая цифровую виктимизацию, цифровую виктимность и жертв цифровой виктимизации. Цифровая преступность, как и любая другая предметная область должна иметь свой категориально-понятийный аппарат, образующий единую терминологическую систему, рассматриваемую на двух уровнях: базовом и предметном. Базовый понятийный уровень образуют устоявшееся в доктрине терминология относительно изучения преступности. Предлагаемые в статье понятия должны образовать предметный понятийный уровень.

Важным является также последующее усовершенствование нормативно-регулятивной базы для обеспечения цифровой безопасности жертв преступлений как на государственном, так и на индивидуальном уровне.

[1] Основные тренды российской преступности в 2021 году: исследование «Если быть точным». URL: https://tochno.st/materials/osnovnye-trendy-rossiyskoy-prestupnosti-v-2021-godu-issledovanie-esli-byt-tochnym (дата обращения: 25.02.2022)

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Ст. 141.1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/ (дата обращения: 25.02.2022)

Список источников

1. Bjelajac Z., Filipović A. M. Specific characteristics of digital violence and digital crime // Pravo — teorija i praksa. 2021, vol. 38, iss. 4, pp. 16–32. DOI: 10.5937/ptp2104016B

2. Borwell J., Jansen J., Stol W. The psychological and financial impact of cybercrime victimization: a novel application of the shattered assumptions theory // Social Science Computer Review. 2021. Art. 0894439320983828. DOI: 10.1177/0894439320983828

3. Chudasama D., Rajput N. Protecting ourselves from Digital Crime // National Journal of Cyber Security Law. 2021. Vol. 4, No. 1. P. 1–6. URL: https://lawjournals.celnet.in/index.php/njcsl/article/view/831 (дата обращения: 24.02.2022)

4. Drew J. M. A study of cybercrime victimisation and prevention: exploring the use of online crime prevention behaviours and strategies // Journal of Criminological Research, Policy and Practice. 2020. Vol. 6 No. 1. P. 17–33. DOI: 10.1108/JCRPP-12-2019-0070

5. Hamby Sh., Blount Z., Smith A., Jones L., Mitchell K., Taylor E. Digital poly-victimization: The increasing importance of online crime and harassment to the burden of victimization // Journal of Trauma & Dissociation. 2018. Vol. 19, No. 3. P. 382–398. DOI: 10.1080/15299732.2018.1441357

6. Hansen J. A., Lory G. L. Rural victimization and policing during the COVID-19 Pandemic // American Journal of Criminal Justice. 2022. Vol. 45. No. 4. P. 731–742. DOI: 10.1007/s12103-020-09554-0

7. Hong Y., Neilson W. Cybercrime and punishment // Journal of Legal Studies. 2020. Vol. 49. No. 2. P. 431–466. DOI: 10.1086/711715

8. Lee J. R., Holt T. J., Burruss G. W., Bossler A. M. Examining English and welsh detectives' views of online crime // International Criminal Justice Review. 2021. Vol. 31. No. 1. P. 20–39. DOI: 10.1177/1057567719846224

9. Leukfeldt E. R., Notté R. J., Malsch M. Exploring the needs of victims of cyber-dependent and cyber-enabled crimes // Victims & Offenders. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 60–77. DOI: 10.1080/15564886.2019.1672229

10. Notté R. J., Leukfeldt E. R., Malsch M. Double, triple or quadruple hits? Exploring the impact of cybercrime on victims in the Netherlands // International Review of Victimology. 2021. Vol. 27. No. 3. P. 272–294. DOI: 10.1177/02697580211010692

11. Shan-A-Khuda M., Schreuders C. Understanding cybercrime victimisation : modelling the local area variations in routinely collected cybercrime police data using latent class analysis // International Journal of Cyber Criminology. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 493–510. DOI: 10.5281/zenodo.3708924

12. Van de Weijer S., Leukfeldt R., Van der Zee S. Reporting cybercrime victimization: determinants, motives, and previous experiences // Policing: An International Journal 2020. Vol. 43 No. 1. P. 17–34. DOI: 10.1108/PIJPSM-07-2019-0122

13. Yokotani K., Takano, M. Social contagion of cyberbullying via online perpetrator and victim networks // Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 119. Art. 106719. DOI: 10.1016/j.chb.2021.106719

14. Воронин Ю. А. Преступления в сфере обращения цифровой информации и их детерминанты // Виктимология. 2020. № 1 (23). С. 74–83.

15. Жмуров Д. В. Кибервиктимизация. Исследовательская матрица // Пролог: журнал о праве. 2021. № 3 (31). С. 109–121. DOI 10.21639/2313-6715.2021.3.11

16. Жмуров Д. В. Факторы кибервиктимизации // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 3 (85). С. 268–276. DOI 10.17150/1819-0928.2021.22(3).268-276

17. Комлев Ю. Ю. От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантизации в обществе рисков // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2 С. 154–159.

18. Комлев Ю. Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 31–40. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.004

19. Майоров А. В., Великий А. А. Оттенок пандемии (COVID-19) в криминализации российского общества // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1 (28). С. 79–84.

20. Поляков И. В. Цифровая преступность: проблемы понятийного аппарата, систематизации и правоприменительной практики // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 21–25.

21. Хоменко А. Н. К вопросу о виктимизации жертв киберпреступлений // Виктимология. 2021. Т. 8, № 2. С. 143–148.

References

1. Bjelajac Z., Filipović A. M. Specific characteristics of digital violence and digital crime // Pravo — teorija i praksa. 2021, vol. 38, iss. 4, pp. 16-32. DOI: 10.5937/ptp2104016B

2. Borwell J, Jansen J, Stol W. The Psychological and Financial Impact of Cybercrime Victimization: A Novel Application of the Shattered Assumptions Theory. *Social Science Computer Review*. 2021:art.0894439320983828. DOI: 10.1177/0894439320983828

3. Chudasama D., Rajput N. Protecting ourselves from Digital Crime // National Journal of Cyber Security Law. 2021. Vol. 4, No. 1. P. 1-6. URL: https://lawjournals.celnet.in/index.php/njcsl/article/view/831 Accessed feb 24, 2022.

4. Drew JM. A Study of Cybercrime Victimisation and Prevention: exploring the use of online crime prevention behaviours and strategies. *Journal of Criminological Research, Policy and Practice*. 2020;6(1):17-33. DOI: 10.1108/JCRPP-12-2019-0070

5. Hamby Sh., Blount Z., Smith A., Jones L., Mitchell K., Taylor E. Digital poly-victimization: The increasing importance of online crime and harassment to the burden of victimization // Journal of Trauma & Dissociation. 2018. Vol. 19, No. 3. P. 382-398. DOI: 10.1080/15299732.2018.1441357

6. Hansen JA, Lory GL. Rural Victimization and Policing during the COVID-19 Pandemic. *American Journal of Criminal Justice*. 2022;45(4): 731-742 DOI: 10.1007/s12103-020-09554-0

7. Hong Y, Neilson W. Cybercrime and Punishment. *Journal of Legal Studies*. 2020;49(2): 431-466. DOI: 10.1086/711715

8. Lee JR, Holt TJ, Burruss GW, Bossler AM. Examining English and Welsh Detectives' Views of Online Crime. *International Criminal Justice Review*. 2021;31(1):20-39 DOI: 10.1177/1057567719846224

9. Leukfeldt ER, Notté RJ, Malsch M. Exploring the Needs of Victims of Cyber-dependent and Cyber-enabled Crimes. *Victims & Offenders*. 2020;15(1):60-77. DOI: 10.1080/15564886.2019.1672229

10. Notté RJ, Leukfeldt ER, Malsch M. Double, triple or quadruple hits? Exploring the impact of cybercrime on victims in the Netherlands. *International Review of Victimology*. 2021;27(3):272-294. DOI: 10.1177/02697580211010692

11. Shan-A-Khuda M, Schreuders C. Understanding Cybercrime Victimisation: Modelling The Local Area Variations in Routinely Collected Cybercrime Police Data Using Latent Class Analysis. *International Journal of Cyber Criminology*. 2019;13(2):493-510. DOI: 10.5281/zenodo.3708924

12. Van de Weijer S, Leukfeldt R., Van der Zee S. Reporting cybercrime victimization: determinants, motives, and previous experiences. *Policing: An International Journa.l* 2020;43(1):17-34. DOI: 10.1108/PIJPSM-07-2019-0122

13. Yokotani K, Takano M. Social contagion of cyberbullying via online perpetrator and victim networks. *Computers in Human Behavior*. 2021;119:106719 DOI: 10.1016/j.chb.2021.106719

14. Voronin YuA. Crimes in the Circulation of Digital Information and their Determinants. Victimology. 2020;(1):74-83. (In Russ.)

15. Zhmurov DV. Cybervictimization. Research matrix. Prolog: journal of law. 2021;(3):109-121. DOI 10.21639/2313-6715.2021.3.11 (In Russ.)

16. Zhmurov DV. Factors of cybervictimization. Academic Law Journal. 2021;22(3):268-276. DOI 10.17150/1819-0928.2021.22(3).268-276 (In Russ.)

17. Komlev YuYu. Digitalization, networking of postmodern society and the development of digital criminology and deviantology. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020;11(1):31-40. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.004 (In Russ.)

18. Komlev YuYu. From digitalization and networkivization to digital deviance in the risk society. Vestnik of Economics, Law and Sociology. 2020;(2):154-159. (In Russ.)

19. Mayorov AV, Velikiy AA. Pandemic shade (COVID-19) in criminalization of Russian society. Law and Order: history, theory, practice. 2021;(1):79-84. (In Russ.)

20. Polyakov IV. Digital crime: problems of the conceptual apparatus, systematization and law enforcement practice. Problems of law enforcement. 2020;(4):21-25. (In Russ.)

21. Khomenko AN. To the question of victimization of victims of cybercrime. Victimology. 2021;8(2):143-148. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майоров Андрей Владимирович кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет; ул. Братьев Кашириных, д. 129, г. Челябинск, 454001, Россия.

ab_majorov@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8629-9837

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Mayorov Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Institute of Law, Chelyabinsk State University; 129 Brothers Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

ab_majorov@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8629-9837

Дата поступления статьи / Received: 21.04.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 05.05.2022.
Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 08.05.2022.